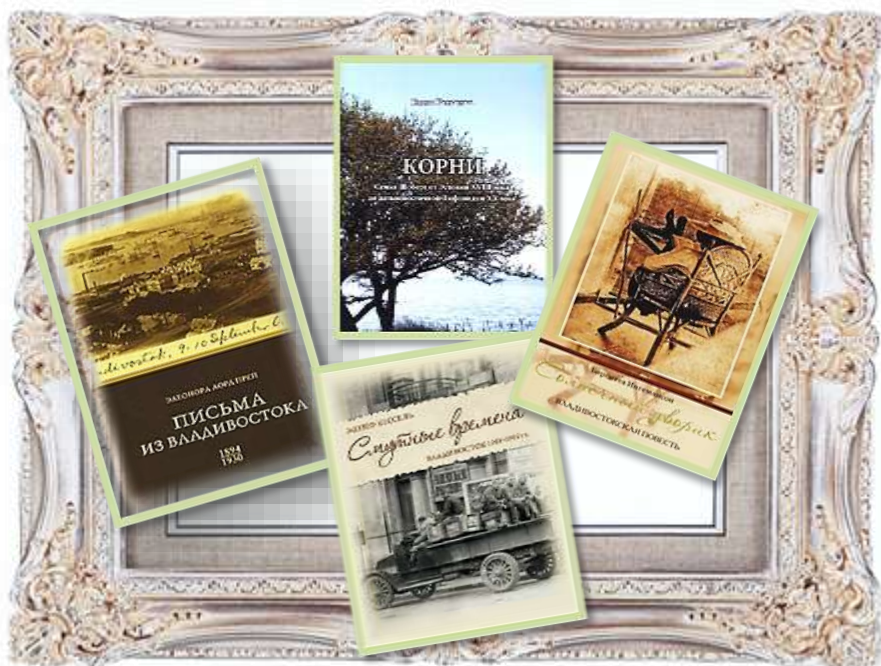

Муниципальное казенное учреждение
«Централизованная библиотечная система
городского округа ЗАТО город Фокино»
Центральная городская библиотека им. А.Д. Старцева
Отдел краеведения

О книгах – с любовью...

Фокино
2015 год

ББК 83

О - 11

*С нами Память сидит у стола,
А в руке ее пламя свечи...*

Юрий Шевчук, «Это все»

О книгах – с любовью...: путеводитель по книгам / МКУ ЦБС городского округа ЗАТО город Фокино; авт. – сост. М.Н. Сидоренко. – Фокино, 2015. – 44 с.

В издании представлены аннотированные обзоры краеведческих книг, поступивших в отдел краеведения **Центральной городской библиотеки им. А.Д. Старцева**. Все эти книги объединяет тема **ИСТОРИИ** города, семьи, тема **ПАМЯТИ**.

© МКУ «Централизованная библиотечная система городского округа ЗАТО город Фокино»

Содержание

К читателю.....	4
Портрет Владивостока, или История в письмах... ..	5
Солнечный дворик, или Удивительная повесть о мистической связи человека и города... ..	10
Как распорядиться жизнью в двадцать лет.....	16
Ищите КОРНИ свои... ..	30
Список использованной литературы	42

С книгами у нас обстоит дело так же, как и с людьми. Хотя мы со многими знакомимся, но лишь некоторых избираем себе в друзья, в сердечные спутники жизни.

Фейербах Л.

К читателю

Отраднo, что в последнее время выпускаются интересные, глубокие по своему содержанию книги, и огромным удовольствием является знакомство с ними.

Книга – это находка.

Книга – это источник информации.

Книга – это сгусток мыслей и чувств.

Книга – это душа.

Книга – это спаситель и вдохновитель.

Книга – это мостик между поколениями, между всеми, кто вчера еще был незнаком друг другу.

Книга – это способ уйти от действительности, погрузившись в иные жизни, в прошлое или будущее.

Книга – это судьба.

Сказать что-либо, высказаться, порой, труднее, чем написать. Именно *писаниe*, *написанное* часто является спасением, поводом для встреч и знакомств, ключом к изучению другого человека, но прежде всего – себя.

История, а в ней – людские судьбы, трагедии, испытания, мгновения счастья – все переплетено в них. Некоторые из книг поразили, потрясли, «зацепили», дали ответы на давно волновавшие вопросы. Об этих книгах-открытиях-откровениях - с любовью – пойдет рассказ.

*Портрет Владивостока,
или История в письмах...*

Погружаться в историю можно по-разному:

- читать мемуары военных начальников и министров,
- вчитываться в сухие строки архивных материалов,
- перелистывать пожелтевшие от времени подшивки газет и журналов,
- просматривать кадры хроники, навечно запечатлевшие движения истории в маршах, митингах, сражениях, в людских слезах боли и радости.

Книги, фильмы, документы проводят нас по лабиринтам истории, но на этот раз Муза - покровительница истории – Клио, хранящая в своем свитке летопись былых времен, в лице американки Элеоноры Лорд Прей, преподносит уникальный исторический материал, тридцатишестилетнее эпистолярное наследие, драматическую летопись жизнь Владивостока в начале XX века.

Итак, Элеонора Лорд Прей, «Письма из Владивостока, 1894-1930».

- Обычное на первый взгляд, совсем не интригующее название. Но, начав читать предисловие к этой книге, написанное Биргиттой Ингемансон, хочется оставить все дела и окунуться в совершенно необычную историю, изложенную в письмах.

- Молодая американка из штата Мэн, в возрасте 26 лет вышедшая замуж за торговца Фредерика (Теда) Прея, сестра которого со своим мужем (Чарльзом

Смитом) владели во Владивостоке «Американским магазином», приехала в Восточную Сибирь в июне 1894 года. Молодые энергичные американские бизнесмены, как сейчас бы их назвали, не планировали пробыть в этих краях более пяти лет.

- Но они прожили здесь 36 лет!
- Будучи глубоко американской женщиной, верной родной стране, американка Элеонора Лорд Прей поистине влюбилась в Дальний Восток («Дикий Восток» - как говорили тогда).
- Свою многолетнюю жизнь во Владивостоке, полную радостей и тревог, она смогла поведать миру. Смогла превратить ее в красочное увлекательное свидетельство стойкости и способности к выживанию. А вначале это были обычные письма, которые практически ежедневно, а зачастую и по несколько раз в день Элеонора Прей писала и отправляла своим знакомым и друзьям в Америку, Европу, Китай. Это скорее не письма, а записи из дневника. Есть очень короткие, в 2-3 страницы, а другие занимают 40-50 страниц. Все собранные письма написаны в течение 36 лет, насчитывают приблизительно 16 тысяч страниц (это чуть более 2100 писем).

Элеонора Лорд Прей была непосредственной очевидицей и участницей событий в жизни Владивостока тех времен. Достоверность, правдивость изложения, облаченные талантливой рассказчицей в письма, вызывают доверие, делают ее корреспонденцию важным источником сведений о городе тех лет.

Как это часто бывает в жизни, его величество случай, помог подняться на поверхность сегодняшнего бытия письмам Элеоноры Лорд Прей. Неравнодушные потомков, огромное желание

узнать о жизни прародителей сыграли в этой истории решающую роль.

Лежащие десятилетиями в коробках и чемоданах, сваленные в кучу на чердаках и в ящиках стола в полном беспорядке, истертые и поврежденные, письма Элеоноры Прей дождались своего часа. Внучка госпожи Прей, миссис Патриция Сильвер, проделала огромную работу, собирая воедино порой совсем ветхие страницы одного и того же письма.

Смелость, отвага, находчивость, решительность, неугасимый оптимизм, жажда жизни Элеоноры Лорд Прей вдохновили внучку – миссис Сильвер издать «Собрания Элеоноры Прей». Пожалуй, это лучшее проявление памяти потомков к делам прародителей своих.

Биргитта Ингемансон, большой друг Владивостока, не могла пройти мимо этого уникального материала. Работая с письмами госпожи Прей, консультируясь с Патрицией Сильвер, она подготовила к публикации эту книгу.

Девять глав книги – и тридцать шесть лет жизни во Владивостоке...

Публикации писем, отрывков из них, предшествует краткая информация составителя об описываемых событиях. Так очень удобно окунаться в письма, прежде получив краткое представление о людях, исторических событиях, встречах друзей, буднях и праздниках, быте, проблемах воспитания... Прекрасная рассказчица, духовно богатая личность, Элеонора Прей проявляла огромный интерес к жизни, к знаниям. Живя во Владивостоке, она выучила несколько иностранных языков, много читала, водила знакомства с генералами, адмиралами, членами монарших семей, политическими деятелями, коммерсантами (в том числе она была знакома со Старцевым А.Д., чье имя носит наша библиотека),

имела свой взгляд на многие явления окружающей жизни и смогла передать колорит того времени в своих письмах.

Огромное количество фотографий прекрасно дополняют книгу. Сделаны они самой Элеонорой Прей или ее друзьями.

В 1930 году, вынужденная уехать из Владивостока, бросая прощальный взгляд на город, она писала с поразительной болью в сердце: *«И вот я плыву все дальше и дальше, и каждый поворот винта все больше и больше отдаляет меня от моего любимого города, в котором я прожила 36 лет».*

Письма Элеоноры Прей открывают перед нами некоторые из окон города, в которые мы можем заглянуть и познакомиться с жизнью, обычно скрытой от глаз, мы можем сделать попытку разгадать главную тайну ее жизни. Тайну любви к Владивостоку...

Прей, Элеонора Лорд. Письма из Владивостока: 1894-1930 / Э.Л. Прей; под ред. Б. Ингемансон; собрано, систематизировано и сохранено Патрицией Д. Сильвер; пер. с англ. – 2-е изд., доп. и испр. – Владивосток: Рубеж, 2010. – 464 с.

*Солнечный дворик,
или Удивительная
повесть
о мистической связи
человека и города*

Девушка в шляпке, уютно устроившись в плетеном кресле, читает книгу. От этой фотографии веет уютом, теплом и спокойствием. Нас словно приглашают присоединиться к увлекательному чтению.

Такое же уютное, теплое название у книги, обложку которой украшает этот снимок, - **«Солнечный дворик. Владивостокская повесть»**, автор – **Биргитта Ингемансон**. К 150-летию основания Владивостока жители города получили такой необычный подарок.

Эта книга – своего рода продолжение «Писем из Владивостока» Элеоноры Лорд Прей, это попытка автора разгадать уникальный феномен любви и подлинной привязанности человека к месту, в котором он живет.

«Эта повесть об одном доме во Владивостоке, о людях, обитавших в нем, и некоторых событиях, ими пережитых. Некий человеческий микрокосм – но еще и взгляд на город в определенную эпоху (1894-1930), свойственный определенному сословию (буржуазному). В повести действуют русские, и чужеземцы. В этот город и в этот дом некогда приехала молодая американка по имени Элеонора Лорд Прей (1868-1954), и ей – неведомо для нее самой – суждено было соткать из писем о Владивостоке величественный ковер.

Три с половиной десятилетия она прилежно писала друзьям и родственникам, невзирая на военное, политическое и общественное разорение того времени, - и спасла часть городской истории, сохранила яркие воспоминания о людях этого города и обнаружила истинное свое призвание: писательство».

«Дом Смита» - это и есть «солнечный дворик», дом, в котором дружно жили две американские семьи – Чарльза и Сары Смит – с одной стороны, Фредерика и Элеоноры Прей – с другой. Зять Элеоноры Прей – молодой купец из Новой Англии, Генри Смит, поселился немного раньше в этом доме со своей супругой Сарой Элизабет, урожденной Прей. Себе в помощники они пригласили только что женившегося брата Сары приехать поработать в лавке...

Ничем не примечательная, обыденная, житейская ситуация. Но случилось непредвиденное – «Элеонора Прей влюбилась в город, невзирая на его зачастую неухоженные улицы, безнравственную бюрократию и революционные волнения, - и даже вопреки собственным бедствиям после смерти мужа. Она просто не могла представить, что будет жить где-то еще. Ее радовало, что она принадлежит Владивостоку, погруженному в грандиозные исторические события... Ее поддерживали разговоры и встречи с друзьями – то веселые, то серьезные; и на друзей всегда можно было положиться... Элеонора любила сам город, его впечатляющую красоту и задавалась мучительным вопросом, как вообще сможет «ждать будущего, где нет ни сопков, ни моря, ни закатов» В особенности же ей хотелось защитить их гнездо в «Доме Смита», где они были счастливы...

Героем повести становится не просто «Дом Смита», его обитатели и события, ими пережитые. Наблюдения, впечатления Элеоноры Прей легли в основу ее многолетней переписки. В ней не только прекрасные пейзажи, но и духовное пространство города, ее покорившее. Одежда, манеры, политические события несут отпечаток времени, но набор эмоций, реакция людей на жизненные обстоятельства – смех, слезы, любовь, тоска, страхи, ревность, простые жизненные удовольствия от общения с природой, животными универсальны во все времена. В этом отношении опыт Элеоноры Лорд Прей уникален.

Пять глав книги Бригитты Ингемансон освещают разные стороны жизни полюбившейся героини: «Друзья», «События», «Ценности» - вот некоторые из глав. Названия говорят сами за себя.

Что дал город, чему научил отважную уроженку американского штата ветров – Элеонору Прей?

- Владивосток – это тот город, в котором она приобрела надежное пристанище, она смогла почувствовать душу России, но и вместить в нее свою американскую душу.
- Во Владивостоке Элеонора научилась сострадать другим, здесь развились ее читательские навыки, да и только в России она стала видным человеком.

Чему учит нас эта книга? Чем она может быть полезна в наше время?

- Важнейшие принципы гармоничной жизни, описанные еще мудрецами древности, сквозят со страниц книги. Их осознания, понимания, применения так не хватает современному человеку.
- *«...Жить сегодняшним днем, принимать каждодневные радости и печали и мириться с трудностями, стараясь не слишком задумываться о будущем...»*
- *все дорогие, светлые и солнечные воспоминания о жизни на Востоке – большое сокровище для меня и дарят мне множество счастливых часов»,* - пишет Элеонора в своих письмах. Мы себе не выбираем бедствия, неудачи, поражения – но можем сами лепить свое отношение к ним.

Эти уроки вынесла для себя Элеонора Лорд Прей.

А как вы воспринимаете такой отрывок из ее письма: «Один из секретов добиться успеха в жизни – окружить себя уютом: не

богатством, не разнообразием; и уж, конечно, не следует загромождать обстановку; нужен только уют»?

В это понятие - «уют», Элеонора вкладывала некий эмоциональный, энергетический смысл, дающий силы, тепло, уверенность в себе. Ей удалось создать в своем жилище именно такой мир, открытый для друзей и близких по духу людей.

Жалеть в жизни можно о многом. О снесенных и сносимых домах. О городе и его людях, изуродованных неприятной властью. О разрушающих гармонию единения с природой новомодных многоэтажках... Жалеть, видимо, нельзя лишь о самой жизни. Этому тоже учит книга.

Биргитта Ингемансон рассказала удивительную историю о мистической связи человека и города. О любви сильнее времени...

Как и большинство международных торговцев, родственники Элеоноры приехали в Россию ради коммерческой выгоды, однако сама миссис Прей была среди немногих, кто потом остался, - она и дальше строила свою жизнь, но уже почти без материальных благ. Элеонора понимала: хотя Россия может обойтись без иностранцев, она сама без Владивостока не обойдется. Мудрая, нацеленная на выживание женщина, она приспособилась к новым условиям, сосредоточившись на неизменном – своих друзьях, эмоциональном покое «Дома Смит», загадочном характере города, стиснутого между сопками и морем.

Во Владивостоке она состоялась как личность, Владивосток определил ее жизненный путь, и она теперь не желала покидать этот город. «... вот я уплываю все дальше и дальше, и каждый поворот винта уносит меня от дома, который я любила тридцать шесть лет... я не приближаюсь к лучшей части своей жизни, но оставляю ее позади», - напишет Элеонора в день отплытия, прощаясь с Владивостоком.

После прочтения писем Элеоноры Лорд Прей хочется открыть еще больше окон и дверей в историю Владивостока. Биргитта Ингемансон не смогла остановиться на первой книге «Писем...», она написала ее продолжение – **«Солнечный дворик. Владивостокская повесть»**.

Ингемансон, Б. Солнечный дворик: Владивостокская повесть / Б. Ингемансон; пер. с англ. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 352 с.

*Как распорядиться
жизнью в двадцать лет*

Бывали ли у вас мгновения, ситуации в жизни, когда все собственные силы неспособны изменить течение судьбы? Когда жизненные коллизии вовлекают вас в водоворот событий, превращая в одну из миллионных песчинок, беспомощных, неспособных повлиять на ход истории?

Именно в такой ситуации оказался двадцатилетний французский летчик вместе со своими попутчиками – добровольцами, следовавшими на американском корабле в Россию...

Когда ты молод и горяч, когда тебе всего 20 лет, ты полон романтики и жажды приключений, приказ командира о формировании специального отряда добровольцев для сопровождения французских частей в Сибирь не может не увлечь молодого летчика Жозефа. К тому же, это шанс получить новые впечатления на родине отца, выходца из России. Русские корни словно подталкивали, тянули, неумолимо влекли на родину прародителей.

«Мои русские корни, знание языка, сказки и книги моего детства, народные песни, прекраснее которых ничего на свете нет, - все это пробудило во мне освещенную звездами мечту... Я грезил наяву... Мне нужна была и эта экспедиция, и эти бескрайние просторы, мне нужна была Сибирь».

Судьба, порой, преподносит сюрпризы, неожиданности, которые впоследствии оказываются особыми знаками, указывающими на неминуемые перемены в жизни. В воздушном бою с немецкими «Фоккерами» смертельно ранен капитан эскадрильи, в которой еще вчера служил Жозеф. «Удар был очень сильным. Ужасным. Первый в моей жизни. До сих пор все погибшие, которых мне пришлось видеть, ничего не значили для меня. Никто из них не был важной частью меня самого...

Склонившись над лицом моего капитана, невредимый, но словно похолодевший внутри, я встретился лицом к лицу со Смертью»...

Тревога поселилась в сердце...

Близился отъезд, точнее отплытие, из французского Бреста к берегам США. «Мне было всего двадцать лет. Я был непосредственен как ребенок. Все менялось, обстановка, погода и люди, и вот отчаяние сменялось восторгом, а печаль радостью».

На исходе сил немецкая армия попросила перемирия. «Шли переговоры об условиях его подписания. Вот-вот война могла закончиться, а вместе с ней, согласно самой элементарной логике, и наше приключение». И это произошло – перемирие подписано!

«В этот самый момент мы отреклись и отказались от этого путешествия. Если бы это было возможно, мы бы бросились в воду, доплыли бы до набережной, до города, до людей. Главы французской миссии пытались поговорить с капитаном военно-морского флота США, командира корабля, на котором предстояло отплыть к берегам Америки. «В ответ мы услышали - приказ есть приказ. Через час наш корабль отплывает.

Так 11 ноября 1918 года началось наше путешествие.

Путешествие бессмысленное, вовлекавшее нас в новую войну в тот день или, скорее, в ту самую минуту, когда война практически подошла к концу».

Наконец, земля! Нью-Йорк, небоскребы в дымке тумана, статуя Свободы, Гудзонов залив... На набережных толпились люди, повсюду встречая добровольцев радостными криками. Сколько раз подобные кадры потом, гораздо позже, показывали кинотеатры и телевидение. «Мысль о том, что нас встречают как героев, даже не приходила нам в голову. Создавалось впечатление, что все жители города собрались вместе, чтобы приветствовать нас...

Нам понадобилось время, чтобы понять, что происходит. Мы – первые победители, ступившие на американскую землю. Никто не мог здесь оказаться раньше, чем мы, ведь мы отправились в путь в тот самый миг, когда объявили о перемирии. Но особенно потому, что мы были французами. А в то время, после четырех лет войны Франция считалась великой военной державой.

К тому же мы были летчиками. Люди, умеющие летать. Небесные воины. Мы были окружены ореолом легенды... Мы были покорителями, первооткрывателями неба. Людей, сидящих в 1918 году в кабине самолета, было ничтожно мало».

Дни, проведенные в Нью-Йорке, казались сном. Мы с трудом отличали день от ночи...

Затем надо было следовать в Сан-Франциско, где «предстояло узнать о присоединении к французским, американским, английским и канадским войскам, усиленным чешским, а также венгерским, польским и румынским полками. Состояли эти полки в основном из дезертиров и беглых заключенных. Из этой армии в Сибири должен быть сформирован фронт, и в случае необходимости оказать противодействие армии Вильгельма II, на тот случай, если бы она двинулась за Урал».

Наконец, перемирие было подписано 11 ноября. Все – экспедиция должна была закончиться здесь, на берегах Тихого океана. Никаких сомнений. Это было очевидно. Шесть недель ожидания, жизнь в подвешенном состоянии, «злоупотребления всеми безумными развлечениями, которые жизнь неожиданно нам подарила»...

Пришедшее из генштаба предписание позволяло продолжить миссию. Но перед самым отправлением стало известно, что наши самолеты только были отправлены из Франции. Впереди – Владивосток.

Путь во Владивосток лежал через Тихий океан, он длился около месяца.

Интересны лаконичные строки, описывающие Японию, остановка в которой была последней на пути во Владивосток. «Перед нашим взором возникали, увеличиваясь многократно, образы, сошедшие с гравюр и почтовых открыток: люди, одетые в кимоно, гора Фудзияма, курума, люди, впряженные в маленькую двухколесную повозку. Храмы и, наконец, Внутреннее море (Японское море), его маленькие сказочные острова, маленькие домики, маленькие поля, небольшие бамбуковые леса, миниатюрные буйволы, маленькие люди на берегу...

И вдруг все изменилось, чудесная картинка исчезла, как по щелчку хлыста. Корабль и мир. Небо и свинцового цвета вода. Даже барашки от волн были серого цвета...».

Жизнь, словно мольберт художника, расцвечена разными красками... Но, миновав просторы Тихого океана, молодой француз попадает в иную вселенную, другую планету. Именно так он назвал Владивосток того времени. «Тусклый цвет, замерзший порт, корабли в тисках льдов; на набережных китайские кули, одетые в лохмотья и копошащиеся, словно черви. Все: небо, лед, дома, люди – все было серого цвета, все было мрачным и грязным...

Владивосток...Владивосток... По-русски: Властелин Востока. Так назвали город его создатели...».

Первое впечатление от встречи с городом – разочарование: «Вряд ли когда-нибудь столь страстное ожидание заканчивалось подобным разочарованием. И это Властелин Востока? Жалкий провинциальный городок в глухой местности... Грязный снег. Мрачные ветхие домишки. Ни одного проспекта или приличной улицы. А вдоль скорбных фасадов неторопливой поступью проходили патрули, при этом все солдаты были одеты в разную форму. Какой удар по моим мечтам! Какое падение в реальность!

Но сильное разочарование – эта заброшенность и неустроенность – открывало чудесную возможность окунуться в иную жизнь, отличную от той, что мы вели совсем еще недавно...».

В сером мире Владивостока память молодого французского летчика, словно прожектор, выхватывает наиболее запоминающиеся моменты, самые яркие картины.

- Французская миссия во Владивостоке размещалась в музее этнологии (этнографии), археологии и естественной истории (ныне это здание музея им. Арсеньева по ул. Петра Великого). Французским офицерам приходилось работать в довольно экзотической обстановке – среди скелетов гигантских китов, чучел сибирских тигров - самых крупных в мире, стрел, сделанных из костей, и прочей утвари каменного века.
- Японцы контролировали порт Владивостока, чехи удерживали железную дорогу. Поражает история чешских батальонов, волею судьбы оказавшихся на бескрайних сибирских просторах России, погруженной в пучину Гражданской войны, к которой чехи не имеют никакого отношения. «Японцы и чехи, две силы, великолепно организованные, надежные и эффективные.

Но в остальном – беспорядок, несогласованность, беспредел и полный кавардак», - так прояснили ситуацию находившиеся здесь офицеры. «Собрав людей с четырех концов света во имя борьбы с призрачным врагом, но теперь сложившая оружие, эта противоестественная экспедиция представляла собой невероятную смесь. Словно над ней колдовал какой-то безумец».

«А отряды красных партизан вели свою войну, нескончаемую и жестокую».

На вопрос только что прибывших офицеров: «А что во всем этом будем делать мы?», был дан ответ: «...Будете наблюдать со стороны... Для начала за прибытием ваших самолетов».

Знание русского языка определило судьбу Жозефа во время пребывания во Владивостоке - предстояло найти груз (оружие, боеприпасы, теплые вещи), найти вагоны, найти машинистов и отправить состав в Сибирь. В Омск. В хитросплетениях российских железных дорог, вокзалов, бесконечных циркулярах, вороватых чиновниках, служащих на дороге, выполнить эту труднейшую задачу предстояло с помощью...набора документов для предъявления гражданским и военным властям Владивостока, огромной суммы денег и револьвера.

«Боеприпасы, оружие, провизия, вагоны, локомотивы, начальники депо, начальники поездов, механики. Короче говоря, люди и вещи – мы должны были все купить, а также подкупить всех и вся, иначе задание не выполнить. Но сделать это надо не по рыночным ценам. Тут и бюджета целого государства вряд ли хватило бы. Придется прибегнуть к взяткам».

Россия, Владивосток того времени - «повсюду царили нищета, беспорядок и отчаяние».

- «Я мог бы рассказать о портовых притонах, пахнущих водкой и преступлениями, о китайских трущобах, где среди грязи и паразитов ютились голодные кули. Они тысячами переезжали сюда, тайно пересекая границу...»
- Вокзал Владивостока... «При ближайшем рассмотрении вокзал производил весьма благоприятное впечатление... Но вокзал был источником зловония, который просто сбивал с ног. Отвратительный до тошноты запах». Самое ужасное было еще впереди: «От двери до самых дальних уголков зала пол был устлан густой отвратительной массой, мягкой, рыхлой, похожей на торф или трясину. Никто не знал, жива ли она или мертва... Мне понадобилось много времени, чтобы различить в этой массе, покрывавшей все пространство зала, ...человеческие тела, переплетенные, связанные между собой».

Невозможно без ужаса читать строки: «...Эти люди были на краю...дальше пустота. Они бежали от красных, белых, пожаров, грабежей, безумных до неправдоподобия новостей. Крестьяне, буржуазия, ремесленники – никто не смог преодолеть препятствие, ставшее для них концом всего: океан. И тогда они пришли на последний в их путешествии вокзал и остались здесь».

На вокзале не топили, но здесь можно было прижаться к соседу. Это была последнее убежище несчастных людей – у края надежды, на краю света».

Поражают мысли молодого человека, перед глазами которого – умирающие люди. «Начинать подобным образом было действительно нелегко. Но даже самое тяжелое испытание иногда несет в себе противоядие...я начал в аду. Это закалило меня и сделало толстокожим. Я видел худшее, что только может быть».

- В поисках вагонов для перевозки груза на одном из путей обнаружился одиноко стоящий товарный поезд. Это были теплушки – исконно русское «изобретение», если так можно было назвать вагоны для перевозки только грузов, но превращенные в вагоны для пассажиров – многоярусные кровати одна над другой до самой крыши, посередине – печка с огромной трубой, конец которой выходил наружу. Многие километры пути приходилось преодолевать самому бедному люду в таких вагонах.

С трудом распахнув дверь одной из теплушек, Жозеф едва удержался на ногах от зловония, смрада, идущего изнутри вагона – трупы обитателей теплушки были на всех кроватях. Пятясь в ужасе назад, открывая автоматически второй, третий, пятый, шестой вагоны – молодой офицер обнаруживал трупы, трупы, трупы...

И вдруг, в одном из вагонов раздался очень слабый, приглушенный, буквально тлеющий голос, он словно доносился из подземелья. На одной из лежанок женщина шептала в бреду, вспоминала мужа, детей...». Она часто дышала, урывками вдыхая воздух, отравленный запахом разлагающихся трупов...Платок, лоб, щеки, губы – кишмя кишели вшами...» Это был настоящий ужас, панический страх.... Эпидемия тифа в те времена косила целые

поезда. «Трупы сжигали, вагоны – нет. Вагоны были жизненно необходимы». Что происходило потом – нетрудно догадаться.

Молодой французский летчик пишет о том, что он был обречен жить, не имея возможности хоть что-то изменить, жить посреди хаоса, грязи, несчастий и смерти, сумев при этом сохранить в себе чувства стыда и жалости.

- Случайная встреча на вокзале с офицером из армии Семенова. Атаман Семенов, хозяин Читы. Бог Гражданской войны... Простой унтер-офицер из казаков Приамурья, уйдя два года назад в сопровождении всего семи человек, преследуя красных партизан, сумел сформировать сначала сотню обычных вооруженных грабителей, а затем – банду, и, наконец, армию. В этой армии Семенов провозгласил себя атаманом.

Офицер из армии Семенова был примерно одного возраста с Жозефом. «Высокие скулы, удлиненное лицо, жесткий подбородок, а губы и глаза – невероятно бледного цвета. И во всем его облике надменность и равнодушие ко всему, почти нечеловеческое равнодушие». Он, умело орудуя плетью, нещадно хлестал своего подчиненного на глазах у француза. Плеть, словно верткая змея, этот безжалостный хлыст в руках семеновца становился страшным оружием, с помощью которого он наказывал всех за малейшее неповиновение своим приказам.

Знаки отличия летчика военно-воздушных сил Франции на шинели Жозефа привлекли внимание человека из банды Семенова. Осмотрев иностранца с ног до головы, он даже попытался с ужасным акцентом заговорить по-французски. Услышав ответ на русском языке, увидев уверенный, спокойный взгляд молодого иноземца, торжественно пригласил его в гости от имени людей атамана.

Как быть? Видя звериное отношение семеновского офицера к послушавшимся, наблюдая его упоение своим господством над людьми, неспособными оказать какой-либо отпор, Жозеф все же принимает приглашение. Жажда приключений, присущая молодости, победила осторожность, мудрость. Согласие было дано.

В пристанище семеновцев «...я оказался на земле пропащих людей, на пиратском корабле со всеми его сокровищами. Я ничего не выдумываю. Так и было...

Существующая вне закона армия Семенова устроила себе пристанище из бронированного поезда, логово. И какой кричащей роскошью они себя здесь окружили!

Персидские ковры, китайская парча, шелка из Бухары и Самарканда, шкуры медведей и тигров из тайги, великолепные иконы, дорогое оружие....

А посреди великолепных трофеев – казачьи офицеры, грубые черты, неприятные физиономии...

Их было около двадцати... Они осмотрели мою униформу, их глаза изучали меня с головы до пят. А во взгляде – недоверие, злоба, презрение»... Узнав, что перед ними - летчик, неприязнь сменилась любопытством, желанием прикоснуться к значкам на форме.

Потом начался праздник. «Денщики с внешностью разбойников, но великолепно одетые так и рассыпались в обращениях «ваше благородие», подносили нам то и дело на тарелках золоченого серебра копченую рыбу и черную икру, пирожки с капустой, семгой, мясом. Вино текло рекой... Время шло...

И вдруг – новая встреча с командиром бронированного поезда, одним из лучших офицеров в армии Семенова. Бывший

каторжник, с вырванными ноздрями, ныне полковник, он не ведает ни страха, ни жалости...

Удивительно было увидеть в его огромных руках гитару. Проведя пятнадцать лет на соляных рудниках, прежде чем удалось бежать, он любил петь.

Вечные песни о вечном. О слезах и кутежах. О бунтах и жалобах. О кандалах и побеггах. Тысячи людей распевали эти песни в течение многих веков на золотых и соляных рудниках. Да и он сам, полковник армии Семенова, хозяин бронированного поезда, пел их тысячи раз. И всегда под рукой у него была эта гитара, простенькая, старая, чиненная-перечиненная...

Как, должно быть, он ее любил, его единственную надежду и его спасение. Сколько в нем терпения, нежности, чтобы приучить, приручить семь струн к своим рукам душегуба...

Гитара была единственным его компаньоном – людей он ненавидел. Не было у него и собеседников – красиво говорить он не умел. Он любил власть, именно гитара давала ему власть над самыми грубыми, жестокими и бесстрашными людьми, власть большую, чем могли дать его кулаки»...

- Посещение «Аквариума» - русского ночного клуба Владивостока. Высокий округлый потолок, украшенный резвящимися нимфами и сатирами. Тяжелые хрустальные люстры. Безумство золота, кованых украшений, резного дерева.

Трудно не влюбиться в 20 лет. Это произошло с нашим героем. Но любовь эта - к хрупкой печальной русской девушке Лене, артистке, обитающей в ночном клубе, поющей и продающей себя, чтобы как-то существовать, - быстро вспыхнув, так же быстро потухла. Уловив, почувствовав мимолетное внимание к себе, она рассказала свою историю... Эта девушка ничего уже не ждет от

этого ужасного мира, она держится исключительно благодаря несломленной гордости...

Отношения, не начавшись серьезно, завершились. В конце повествования одна мысль пронзает Жозефа – «у жизни нет никакого права причинять боль кому бы то ни было».

- Много в книге воспоминаний о русской музыке. «А эта музыка, отзывавшаяся в самых глубинах моей души, эти слова,...эти песни о радости дикой, полной отчаяния, радости безграничной и мучительной, - эти песни давно стали частью меня».

Свою историю молодой француз прерывает словами: «Это уже не мелодрама. Это месиво из простых душ, каша, тесто, сделанное из разбитых сердец. Но...все действительно так и было».

Счастье улыбнулось – Жозеф возвращается на родину! Он случайно узнает, что добровольцев отправляют домой...

Вечеринка по поводу отъезда «стала праздником, я благодарил судьбу, отдавал ей почести... Это был только мой праздник, так я прощался с людьми, ночевавшими на вокзале, с кули, с казаками полковника без ноздрей, с

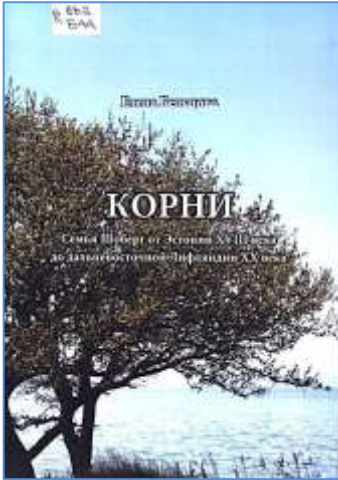
тифозными теплушками, с «Аквариумом».

«Утро! Мой корабль!... Я думал, что упаду, когда поднимался на мостик... Когда очутился в своей каюте, я увидел из иллюминатора, как скрытая туманом цепочка крошечных домов, прижавшихся друг к другу, исчезала из вида, а вместе с ними исчезали и берега Азии. В этом городе несколькими днями ранее мне исполнился двадцать один год».

Небольшой по объему роман – «Смутные времена» - воспоминания молодого французского летчика Жозефа о своей юности, о Владивостоке в эпоху революции. Повествование очень динамичное, насыщено колоритными описаниями людей и событий. Воспоминания искренни, пронизаны задором молодости и несвойственной юности интуитивной мудростью, наблюдательностью, тонким пониманием человеческой души.

Кессель, Ж. Смутные времена. Владивосток 1918-1919 гг.: роман / Ж. Кессель. – Владивосток: Тихоокеанское издательство Рубеж, 2012. – 144 с. – («Библиотека альманаха «Рубеж»).

Ищите КОРНИ свои...

Семейные тайны современной семьи – это, пожалуй, намного интереснее жанра фэнтези (хотя – сколько людей, столько и мнений...).

История каждой семьи вплетена в историю народа, страны, цивилизации. Понимать это начинаешь лишь с годами. Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем? – три извечных вопроса, над которыми задумывается человек рано или поздно.

Книга «Корни. Семья Шоберг от Эстонии XVIII века до дальневосточной Лифляндии XX века».

«Эта книга – попытка собрать и систематизировать информацию о моих родных и прошлом моей семьи. Много лет я ощущала это как долг, который нужно исполнить», - пишет в предисловии автор.

«Пока человек молод, он живет настоящим да будущим. Только с возрастом приходит потребность узнать свои корни. Нередко это бывает слишком поздно. Я не желаю, чтобы известное мне ушло со мной, чтобы кому-то в будущем вновь пришлось разгадывать эти же семейные тайны. Хочу, чтобы мои потомки в этих записях нашли достоверные данные о своих предках и родственниках. Чтобы знали: их род живет в веках, и семья его не прервется. И каждый, проживая собственную неповторимую жизнь, какая бы она ни была, оставляет след в истории своего рода. Мой долг – оставить об этом память детям и внукам, чтобы следы их потомков не шли из ниоткуда и были достойны корней».

Если кратко, то в этой книге рассказывается «о судьбе одной семьи в истории России. Автор показывает жизнь своих предков на фоне великих и трагических событий прошлого: от окончания Северной войны в Прибалтике, через освоение Россией Дальнего Востока, сталинские репрессии, Великую Отечественную войну, до наших дней».

Но когда начинаешь читать, вчитываться в биографии людей, рассматривать многочисленные фотографии, редко на которых увидишь радостные, безмятежные (даже у детей), улыбающиеся лица, - по большей части они строги, серьезны, все словно задумались перед предстоящими жизненными испытаниями, - то понимаешь, что хочется рассказать об этой удивительной книге значительно больше.

Тема переселения на Дальний Восток, в Приморский край, включает в себя достаточно драматичных, порой, трагичных историй, содержит много неразгаданного, хранящегося в архивных фондах и в семейных преданиях, которые передаются от поколения к поколению. Большой удачей является воссоздание этих воспоминаний, публикация их.

История семьи эстонцев Шобберг, о которой речь идет в книге, началась с 1721 года.

Вот краткая информация об исторической родине - Эстонии - того времени: «...с XIII века до начала XVIII века эстонцами правили датчане, немцы и шведы, с конца Северной войны до 1918 года, эстонцами правили прибалтийские немцы и русские.

Эстонцы же Эстонией в этот многовековой период не правили... Более 95% населения Эстонии составляли крепостные крестьяне, за исключением небольшого количества шведских свободных крестьян, проживавших...на побережье и на островах ...основной категорией определения социальной принадлежности человека служили понятия: «немец» и «не немец». Подъем по социальной лестнице был доступен лишь немногим. Для эстонцев он означал автоматическое онемечивание...

До начала XX века эстонцы были практически односословным народом – крестьянами. И до 1816 года они были крепостными, ... но в отличие от российских крестьян» их угнетали

чужестранцы – немецкие феодалы, власть которых утвердилась над эстонцами на 700 (!) лет»...

За века колонизации эстонские крестьяне сумели сохранить свой язык и свой образ жизни (к счастью, немецкие крестоносцы не привезли в Эстонию в большом количестве немцев-крестьян, что и позволило сохранить самобытность эстонцам).

«До XIX века эстонцы не имели фамилий, их записывали в церковные книги по названиям хуторов. С начала XIX века местные правители-немцы стали давать фамилии эстонским крестьянам».

На филфаке ДВГУ Елена Бельцова, автор книги, с интересом изучает происхождение фамилии своих предков – Шоберг, и приходит к выводу, что, возможно, она имеет не немецкое, а шведское происхождение. Так филология часто помогает распутывать загадки истории...

Как известно, со второй половины XIX века в Российской империи началось освоение дальневосточных земель, ее далеких восточных окраин.

Еще немного истории

В 1861 году в России царским указом было отменено крепостное право и обнародован Закон о переселении желающих в восточные районы страны. За год до этого на побережье Японского моря основан порт Владивосток. Вскоре принимаются законы, по которым переселенцы могут быть перевезены морем за казенный счет, а также приобретают в собственность значительный надел земли.

Южно-Уссурийский край (так до 1917 года называлось Приморье) интенсивно заселялся крестьянами-земледельцами, а рыбные богатства прибрежных вод в конце XIX века всюду эксплуатировались заморскими гостями – японцами, китайцами,

корейцами. Своих рыбаков, подданных России, в крае не было. После неудачных попыток переселения на побережье астраханских поморов, новгородских и псковских рыбаков, правительство принимает решение - осваивать, развивать российские рыболовные промыслы здесь будут балтийские поморы - эстонцы, ставшие накануне полноправными гражданами российской империи.

Так, в 1899 году создается село Лифляндия (по названию Лифляндской губернии Российской империи). Можно сказать, что так было положено начало российского рыболовства на территории нынешнего Приморья. «По сей день на месте села, в городе Большой Камень продолжают жить потомки эстонских переселенцев. Лишь название свое Лифляндия потеряла: ныне это просто отдаленный микрорайон города, называемый Новый Мир».

Автор приводит факты, взятые из архивных документов, которые воссоздают картину переселения морским путем, о первых месяцах пребывания в далеком краю.

Семья Матса Шоберга не была в группе первых переселенцев из Прибалтики. Она прибыла в 1908 году, скорее всего по железной дороге. Что их встретило здесь?

Почти на 25 километров с севера на юг протянувшееся побережье, изрезанное бухтами и бухточками, - его предстояло обживать эстонцам. Именно они оживили облик этих мест.

Интересно читать страницы, рассказывающие о жизни переселенцев во времена революций и Гражданской войны. Семья Матса Шоберга жила в северной части села Лифляндия, у бухты Кангауз (ныне Суходол). Образовывались рыбные артели, в одной из них трудился второй по старшинству сын деда Матса.

Коллективизация, объявленная в России с 1929 года, изменила жизнь переселенцев. Артели начали объединять в рыболовецкие колхозы. Но только четверть жителей Лифляндии вступила в колхоз. Наступили трудные времена для эстонских рыбаков. «Эти люди приехали на Дальний Восток из Прибалтики,

чтобы жить и работать на собственной земле. Им многим пришлось пожертвовать: навсегда отказаться от привычной культурной среды и родных, испытывать непереносимые при переселении лишения. Обустроившись на новом месте, переселенцы обрастали хозяйством, у них появлялся достаток. Каждый жил своим хутором, индивидуальным хозяйством. Зачем им делать нажитое добро общим?»

В конце 30-х годов тучи стали сгущаться - 1937-1938 годы в истории России называют временем Большого Террора. «Вот как охарактеризовал эти времена в Приморском крае краевед С.Г. Губарев: «Если в 30-е годы при раскулачивании процент выживаемости сохранялся, то в 1937-1938 гг. людей расстреливали просто по доносу соседа». Дальневосточных эстонцев эта беда коснулась в полной мере». Лаконичной формулировки - «по национальному признаку», было достаточно, чтобы в те ужасные времена арестовывать целые семьи.

Арифметика войны с «врагами народа» такова: «Побывали в застенках НКВД из семьи Матса Шоберга восемь человек. Двое были через год отпущены, а шестеро – осуждены. Из осужденных остаться живым в этой войне и через много лет выйти на свободу удалось только одному сыну Эдуарду. Из восьми безвинно арестованных людей погибли пятеро, почти две трети».

Елена Бельцова в своей книге приводит официальные документы тех лет. Ужасом веет от них. Тайной, тщательно оберегаемой родителями в течение 75-ти лет, было существование семьи в период Большого Террора. То, что пришлось испытать родственникам в застенках НКВД, то, как работал механизм уничтожения людей: сочиняемые следователями нужные показания, самооговоры-признания в несуществующих преступлениях, участие в несуществующих заговорах, именно их подписывали осужденные после многочисленных истязаний и

пытках, - обо всем этом удалось узнать из лаконичных архивных документов спустя десятилетия.

«Почти всю память о старших детях Матса Шоберта, родившихся в Прибалтике и приехавших с родителями на Дальний Восток, стерли время и репрессии. О датах их рождения удалось узнать из церковно-приходских книг в архивах Эстонии, об их жизни до 1938 года – из скупых фраз в протоколах допросов».

Огромная боль души – в словах автора книги: «В годы моего детства в День Победы у памятника погибшим на фронте односельчанам обязательно звучали стихи Роберта Рождественского «Вспомним всех поименно...». Но где тот мемориал, тот крест, который был бы поставлен переселенцам, невинно убитым и незаслуженно забытым? Кто помнит имена «исчезнувших» в мирный, но кровавый период истории?»

Об отце

Вспоминая детства – самые пронзительные, самые яркие, поэтому рассказ о своем отце – Германе Матвеевиче Шоберге – Елена Бельцова начала так: «Помню, как-то в детстве, в старом деревянном сундуке, где хранились дорогие отцу вещи – документы, фотографии, семена (трогать их не разрешалось, поэтому тайком залазить в сундук было особенно интересно), я нашла странный документ. Это было свидетельство о рождении или крещении отца. Что меня удивило, оно было большое, яркое, на плотной бумаге, и выгодно отличалось от моего, маленького и скромного. Я отметила, что у отца двойное имя... Только в 2009 году в архиве РГИА ДВ отыскалась запись о крещении 25 декабря 1921 г. младенца Германа-Арнольда Шоберга... Отцом указан Матс, имя и фамилия матери – Анна Гельман.

По советскому паспорту мой отец звался Шоберг Герман Матвеевич... Романтическое прошлое и трагическая судьба его

семьи всегда будоражили мое воображение. Но мои расспросы о ней сталкивались с упорным нежеланием отца делиться информацией»...

Впоследствии стала известной еще одна тайна семьи: дедушка Матс женился по любви на бесприданнице. Мало того, она была прислугой в доме его родственников. Служанка Анна стала большой и единственной любовью деда. «Этот мезальянс рассорил его с родными. Уже имея шестерых детей, он с женой и ее матерью Кадри отправился на край Российской империи»...

Вначале семейство поселилось в северной части Лифляндии – бухте Кангауз (Суходол), где им была выделена в собственность земля». Позже родились еще дети. Выросли взрослыми одиннадцать: Юган (Иоханес), Рудольф, Марта, Карл, Анна, Альберт, Эдуард, Ловиза, Сальма, Линда, Герман.

В любви рожденные дети – как много им пришлось испытать в жизни... Самый младший – Герман, отец автора книги, – долгое время жил с ярлыком «сын врага народа». Это «наложило отпечаток на всю его личность.

Он был вежливым, доброжелательным, для условий, в которых жил, даже образованным (точнее самообразованным) человеком. Но в душе всегда оставался осторожным, недоверчивым, напуганным властью».

Во время войны Герберт служил в национальном эстонском формировании – 7-й стрелковой дивизии, которая в 1945 году была переименована в 118-ю гвардейскую Эстонскую Таллинскую Краснознаменную дивизию. «Отец рассказывал, что победу встретил под Кенигсбергом, где боевые действия продолжались даже после капитуляции Германии»...

К концу войны Герману было двадцать три года. Демобилизовался и вернулся в Приморье он в 1946 году. В народном музее колхоза «Новый Мир» хранится письмо, которое прислало командование демобилизованному гвардии сержанту

Герману Шобергу... О фронте отец рассказывал мало, но упоминал, что даже не надеялся дожить до победы. Эстонцы с ним не очень сближались, для них он был слишком русским. На фронте, как и всюду в то время, процветало доносительство»...

Герману чудом удалось избежать страшных обвинений, из-за которых он мог угодить в застенки. «В очередной раз он убедился, что самое безопасное в России – быть русским. По этому принципу он воспитывал и нас, своих детей».

Что творилось в душе Германа остается только догадываться. Постоянная тревога за детей, их будущее, работа на износ подорвали его здоровье. Но при всех жизненных трудностях он не озлобился, оставался добрым и справедливым по отношению к людям.

С теплом и любовью написаны строки об отце – скромном труженике, рыбаке, а впоследствии из-за пошатнувшегося здоровья ставшим садоводом. Колхозный сад в Новом Мире стал его новой привязанностью и делом всей жизни. «Познания отца в сельском хозяйстве были в нашем селе общепризнаны. Во времена моего детства садовые яблони росли редко у кого..., у нас кроме яблонь, росли абрикосы, сливы разных сортов, виноград, арбузы»...

Перенеся два инфаркта и клиническую смерть, Герман Шоберг умер в возрасте шестидесяти четырех лет. Непередаваемо ощущение потери родного человека. «Мне было двадцать лет... Для меня это была первая смерть близкого человека. И была непереносима мысль, что он умер один, без меня...

Много лет я ловила себя на мысли, что обсуждаю с отцом то или это... Мне очень долго не хватало отца»...

Дневники отца, которые дочь открыла для себя лишь спустя четверть века после его смерти, открыли новые грани его личности - «и какими интересными мне вдруг показались

встреченные среди рутинных хозяйственных заметок редкие упоминания о позабытых подробностях прежней семейной жизни».

Воспоминания о маме полны тепла и грусти. Она, бесконечная труженица, «вечно занятая, вся в заботах о большой семье: в будни – хозяйство и работа, в выходные – хозяйство и торговля на рынке... Умерла она в возрасте шестидесяти девяти лет, успев помянуть семерых из восьми своих внуков и даже первую правнучку». «Очень приветливая и ласковая», умеющая со всеми находить общий язык и располагать к себе, – такой была мама, такой помнят ее.

По-разному сложилась судьба родственников, проживавших в Эстонии. События военных лет стали водоразделом, который прошел по судьбам многих эстонских семей: родственники воевали по разные стороны баррикад, встречали в 1944 году советские войска по-разному в зависимости от личных обстоятельств каждой семьи. Часто это впоследствии становилось причиной разрыва семейных уз. Так произошло и с Германом Шобергом, когда заехав навестить родного дядю, он не мог даже предположить, что его «двоюродные-троюродные братья служили в немецкой армии, что двоюродная сестра замужем в Швеции, что есть родственники, которые перед вводом советских войск в Таллинн убежали за границу». Но Герман свой выбор уже давно сделал, узнав все о своих родственниках, он внезапно, без предупреждения, уехал домой, в Приморский край, где его ждала семья.

По большому счету, это трагедия, когда вот **ТАК рвутся семейные узы**. Также трагичной для семьи Шоберга оказалась переписка со старшим братом Германа, уехавшего в Штаты на заработки. Герман Шоберг своим детям никогда не рассказывал о своих родственниках в Эстонии.

Только в 21 веке удалось узнать о своих корнях, начиная с 18-го века. «Родня такой дальности в России признается только у дворян... Наши родственники живут не только в Эстонии, но и в России, Швеции, США и других странах».

Мир полон противоречивых процессов. Мощной объединяющей силой издавна являются родственные узы, корни рода. Со временем раскрываются ранее неизвестные, замалчиваемые страницы нашей истории. Но сила – в правде, в возможности ее осмыслить, извлечь уроки на будущее и не допустить повторения ее страшных страниц.

«Мы рождаемся в том месте, в котором оказались наши родители, приобретаем характер, который закладывается генами и вырабатывается семьей. Но наши поступки определяются не только характером... Страшные времена поломали много судеб. Но времена меняются, жизнь продолжается». Дед - Матс Шоберг, давший начало одной из ветвей его потомков, достоин уважения по крайней мере за три сильных мужских поступка: «он женился по любви на бесприданнице, для улучшения жизни семьи уехал на край земли, не признал после ареста в 1938 году своей вины (не сломиться в сталинских застенках смогли немногие!)» и был расстрелян 8 мая 1938 года.

Академик Густав Наан, самый известный эстонец, родившийся на Приморской земле, как-то сказал, «история – не мороженое, ей не обязательно быть сладкой». Пусть печальная правда станет надгробием над потерянными могилами наших родных, которые 75 лет были вырваны из семейной памяти.

Потомки Германа Шоберга, 1992 г.

Я убеждена, что **самое ценное в жизни человека – его семья**. Важным можно считать многое – талант, самореализацию, славу, деньги, наконец. Но действительная ценность – семья: ближний круг – который человек сам создал, и дальний – данные судьбой родные, с которыми поддерживаются хорошие отношения. Время и обстоятельства разрывают семейные связи, обедняют нашу жизнь. В этой книге я не смогла указать всех родных... Но я показала, что наша родня больше, чем мы думали, а семья жила дольше, чем смели предполагать. И все мы лишь нескончаемые ее звенья, соединяющие прошлое и будущее», - такими словами автор заканчивает свою книгу.

Время стирает, сглаживает многое, но ПАМЯТЬ жива, пока мы живы, пока потомкам своим передаем ее в эстафету.

Ищите КОРНИ свои...

Бельцова, Е. Корни. Семья Шоберг от Эстонии XVIII века до дальневосточной Лифляндии XX века / Е. Бельцова. – Владивосток: ДВФУ, 2014. – 64 с.: ил.

Список используемой литературы:

1. Бельцова, Е. Корни. Семья Шоберг от Эстонии XVIII века до дальневосточной Лифляндии XX века / Е. Бельцова. – Владивосток: ДВФУ, 2014. – 64 с.: ил.
2. Ингемансон, Б. Солнечный дворик: Владивостокская повесть / Б. Ингемансон; пер. с англ. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 352 с.
3. Кессель, Ж. Смутные времена. Владивосток 1918-1919 гг.: роман / Ж. Кессель. – Владивосток: Тихоокеанское издательство Рубеж, 2012. – 144 с. – («Библиотека альманаха «Рубеж»).
4. Прей, Элеонора Лорд. Письма из Владивостока: 1894-1930 / Э.Л. Прей; под ред. Б. Ингемансон; собрано, систематизировано и сохранено Патрицией Д. Сильвер; пер. с англ. – 2-е изд., доп. и испр. – Владивосток: Рубеж, 2010. – 464 с.

О книгах – с любовью...

г. Фокино, Приморского края,
ул. Постникова, 19.
Телефон/факс: 8(42339)2-43-64, 2-48-33
E mail: cbs_fokino@mail.ru
Сайт – <http://cbs.fokino25.ru>

**Муниципальное казенное учреждение
«Централизованная библиотечная система
городского округа ЗАТО город Фокино»**

